

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-59-69

ФАНТОМНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕССИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ 1920–1930-Х ГГ.

А.Ю. Саран¹

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
302028, Россия, Орел, б-р Победы, 5а

В статье общественные организации рассматриваются как основа для создания гражданского общества, определяются понятия «общественная организация» и «фантомная общественная организация». Исследуется роль фантомных организаций в реализации репрессивной политики как способа проведения упреждающих репрессий, метода расширения состава репрессируемых, средства повышения выполнения плановых показателей правоохранительных органов по раскрытию особо опасных групповых преступлений, а также в качестве одного из способов контроля центрального аппарата ОГПУ-НКВД над своими региональными подразделениями.

Ключевые слова: Центрально-Черноземная область, общественные организации, репрессии, ОГПУ, НКВД

Введение. Общественные организации являются основой для создания гражданского общества. Автор относит к общественным организациям негосударственные некоммерческие структурированные иерархические образования в социальной системе, имеющие определенные социальные, политические или личностные цели, проявляющиеся в каких-либо действиях, а также связанные ощущением единства их членов.

Классификация общественных организаций возможна через принцип классификации задач, которые решают эти социальные структурированные образования. Выделим три группы целей общественной деятельности: различные аспекты взаимоотношений социума с природой (охрана природы, освоение природных ресурсов, модификация компонентов природы и т.п.) выделим

¹ Адрес электронной почты: asaran1958@yandex.ru (А.Ю. Саран).

как первую группу; взаимоотношения внутри самого социума (между и внутри поколений, между властными структурами и обществом, между социальными стратами, отношения, связанные с профессиональной деятельностью и досугом) составят вторую группу; в третью включим общественную деятельность, связанную с решением личностных проблем (от вопросов жизнеобеспечения, здоровья и смерти до проблем интеллектуального развития личности).

Феномен фантомных организаций может быть отнесен ко второй группе общественных организаций, к подвиду политических объединений. Его возникновение связано с обострением конфликта государства с обществом. В данной работе рассматривается период 1920–1930-х гг., когда в СССР политическая власть разными способами изменяла социум под решение собственных идеологических задач. Для ликвидации активного и пассивного сопротивления общественные организации подчинялись власти или ликвидировались. А для того, чтобы не допустить создания или возрождения неподконтрольных власти общественных организаций, репрессиям подвергались даже потенциальные создатели и участники таких объединений.

Чтобы придать законную форму таким упреждающим репрессиям, правоохранительные органы фальсифицировали наличие общественных организаций, искусственно причисляя к ним часть своих подследственных. Судебные или внесудебные органы с такими же полномочиями по итогам таких фальсификаций выносили приговоры, в которых псевдо-участие в фантомных организациях рассматривалась как реальная вина и основание для вынесения обвинительного приговора. Таким образом, фантомные организации становились фактом реальной жизни, что дает основание рассматривать их в качестве социального феномена.

Проблема истории общественных организаций, существовавших в СССР в 1920–1930-е гг., исследуется в историографии, начиная с этих же десятилетий [1–8].

Историография 1940–1980-х гг. рассматривала добровольные и общественные организации 1920–1930-х гг. уже в качестве составной части политической системы советского государства. Работы часто носили обобщающий характер, в некоторых из них анализировалась деятельность целых групп общественных организаций [9–12].

Новейшая историография освободилась от жестких идеологических ограничений и получила возможность исследовать исторические проблемы с академических позиций. В этих условиях проявилось повышение интереса исследователей к изучению общественно-политической ситуации в стране в 1920–1930-е гг. Авторы получили возможность использовать ранее закрытые архивные материалы, и часть ученых попыталась по-новому взглянуть на общественно-политическую жизнь этого периода [13–17]. Начинают рассматриваться ранее полностью закрытые для исследования темы, в частности вопросы социального контроля [18]. Фантомные организации, которые пока

не становились предметом специального исследования, по нашему мнению, могут быть отнесены как раз к одному из механизмов социального контроля.

Для понимания особенностей формирования и функционирования политической системы СССР необходим анализ места и роли в ней общественных организаций. Для решения подобной задачи требуется систематизировать состав общественных организаций.

Рассмотрим общественные организации на региональном уровне, что позволяет использовать как фактологический, так и теоретический уровни исследования. Определим место фантомных общественных организаций в системе общественных объединений и их роль в политической жизни СССР в 1920–1930-е гг. на примере одного из регионов Центральной России.

Исследование проблемы. Центрально-Черноземная область (ЦЧО), образованная в 1928 г., объединила в своих границах региональные социумы сразу четырех губерний – Воронежской, Орловской, Тамбовской и Курской, а также частично Рязанской губернии. К началу 1930-х гг. численность населения ЦЧО превысила 12 млн человек. Такая площадь территории и численность населения позволяют считать ЦЧО вполне представительным регионом Центральной России, процессы политического и социального развития в котором возможно в значительной степени экстраполировать на общегосударственный уровень.

Именно в 1920–1930-е гг. происходит формирование политической системы, которая просуществовала до распада СССР в 1991 г. Эта политическая система характеризуется почти полным доминированием власти над обществом, когда развитая – разветвленная и многоуровневая – система государственных организаций сопровождалась немногочисленными, так называемыми «массовыми организациями», которые лишь номинально обозначали функцию общественного представительства. Эти «массовые организации» рассматривались властью лишь в качестве одного из «приводных ремней» от партийно-государственной машины к обществу.

Разнообразие состава многочисленных общественных организаций, сложившихся в России в первые два десятилетия XX в., окончательно было ликвидировано именно в 1920–1930-е гг. И ликвидация разнообразия форм общественной самоорганизации происходило с использованием целого арсенала методов, среди которого находились и законодательные ограничения, и разрешительный порядок деятельности общественных организаций, и репрессии правоохранительных органов. Создание реально не существующих, фиктивных общественных организаций – «фантомов» как раз и стало одним из инструментов репрессий в отношении общества со стороны государства.

Рассмотрим, какое место занимали фантомные организации в системе региональных общественных организаций ЦЧО.

Автором предлагается собственная классификация общественных организаций, основанная, скорее, на функциональном принципе, т.е. с точки зрения жизнедеятельности общества как единого целого. Наиболее широким по-

нятием в этом случае можно считать взаимодействие общественного организма с внешним миром – природой, такие организации составят первую группу. Более узким по отношению к системе отношений «общество – природа» будет понятие «структура общества»; в эту группу войдут общественные организации, связанные с осуществлением внутрисоциальных функций. Следующим по степени детализации понятием можно считать «человек как часть общества». В эту, третью, группу включаются общественные организации, решающие проблемы личностного развития.

В обобщенном виде классификация общественных организаций Центрально-Черноземной области может быть представлена следующим образом:

1. Общественные организации системы «общество – природа»

2. Общественные организации социальной направленности:

2.1. Возрастные организации:

2.1.1. Детские:

2.1.1.1. Собственно детские.

2.1.1.2. Решающие проблемы детей.

2.1.2. Ветеранов.

2.2. Политические организации:

2.2.1. Собственно политические.

2.2.2. Вспомогательные политические.

2.2.3. Организации отставных политиков.

2.2.4. Фантомные политические.

2.3. Профессиональные организации.

2.4. Досуговые организации.

3. Общественные организации личностной направленности:

3.1. Общественные организации витально-летальной проблематики.

3.2. Общественные организации социализации личности.

3.3. Общественные организации интеллектуального развития личности.

3.4. Религиозные организации.

3.5. Общественные организации искусств [19, с. 155].

Вторая группа общественных организаций, которые отражают разнообразные формы взаимодействия между различными частями самого общества, наиболее многочисленна. Организации, связанные с интересами разных поколений, условно делятся на детские и ветеранские. Среди общественных организаций второй группы выделяются политические организации четырех подвидов: которые непосредственно занимались политической деятельностью; вспомогательные политические организации; организации отставных политиков и фантомные организации. Последние существовали не в самом обществе, а лишь в чьем-либо сознании, но сведения о них были задокументированы.

К фантомным организациям относятся «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», «Контрреволюционная офицерская монархическая организация», «Трудовая крестьянская партия», «Зеленая армия»,

«Крестьянская партия народной свободы», «Крестьянский союз», «Партия Дубинина». Они проходили по документам партийных и репрессивных органов, о некоторых из них писали в газетах, журналах и книгах. За мнимое участие в них пострадали люди, но реально таких организаций не существовало.

Фантомные образования являются последним подвидом общественно-политических организаций. Вопрос о том, отнести упоминаемую в источниках общественно-политическую организацию к первому подвиду – действующих или к четвертому – фантомных, автором решался после изучения всей суммы выявленных материалов (чаще всего – по рассекреченным уголовным делам). При этом учитывался наработанный в современной историографии опыт изучения фальсифицированных уголовно-политических процессов и работы следователей по их подготовке. Ведь многие сфальсифицированные в Центрально-Черноземной области дела составной частью входили в межрегиональные – такие, как «дело краеведов», «дело трудовой крестьянской партии», «дело офицеров». Как раз эти дела отличаются большей продуманностью возможных мотивов поведения «преступников», подгонкой показаний свидетелей и подследственных к единой схеме, согласованными действиями следственных органов разных регионов страны. Слабым местом этих дел обычно является отсутствие каких-либо доказательств, кроме словесных, да и в них обычно ощущается дефицит – ведь лишь немногие из подследственных шли на сделку с чекистами, и именно их показания своеобразными «паровозами» двигали следствие. К этим массовым делам было привлечено внимание общественности, и дожившие до периода массовой реабилитации участники оставили достаточно полные воспоминания о реальном ходе следствия и обстоятельствах фабрикации дел.

Большую работу по разоблачению фальсификаций проделали работники прокуратуры в 1950–1990-х гг. по многим делам периода существования ЦЧО. В ряде дел надуманность и слабость обвинений в создании преступной общественно-политической организации была очевидна и тогдашним начальникам следователей (более крепкие дела они отправляли в суды, а «хлипкие» – на рассмотрение во внесудебные органы), и судебным органам (отдельные дела «рассыпались» в ходе судебного следствия, и значительная часть обвиняемых освобождалась по решению судов). По некоторым делам вывод о фантомности организаций сделан автором на основании следственных материалов, в которых отсутствовали описания признаков организации: целей, внутренней иерархии и внутриорганизационных норм.

Когда во второй половине 1930-х гг. проходила окончательная зачистка общества и ранее репрессированных настигали новые волны террора, проходившие по «делу краеведов» орловцы были вновь арестованы. В обвинительном заключении по этому делу записано: «Орловское общество краеведов... **якобы**, (выделено автором – А.С.) проводило контрреволюционную работу»¹.

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П. Л. 26.

То есть в 1937 г. чекисты-следователи сомневались в доказанности обвинения, по которому тройка Постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО в 1931 г. осудила обвиняемых на различные наказания. Впрочем, эти сомнения в отношении предшественников не помешали деятелям репрессивных органов создать такое же фальсифицированное дело, а особой тройке теперь уже Управления НКВД по Орловской области 28 декабря 1937 г. осудить на 10 лет лагерей троих краеведов¹.

Список реально не существовавших общественно-политических организаций, но проходивших по документам властных структур ЦЧО, в настоящей работе не исчерпан, выявленные сведения позволяют отнести к фантомным лишь Воронежскую областную контрреволюционную монархическую организацию, Контрреволюционную офицерскую монархическую организацию, Трудовую крестьянскую партию, Зеленую армию, Крестьянскую партию народной свободы, Крестьянский союз и Партию Дубинина.

Дело о Воронежской областной контрреволюционной монархической организации, как ее называли работники постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО, «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», основывалось на системе краеведческих организаций Центральной России. Оно служило задаче осуществления репрессий в отношении интеллигенции в рассматриваемый период. По делу было проведено 92 человека, из которых пятерых расстреляли, всех остальных, за исключением одного оправданного, коллегия ОГПУ 5 июня 1931 г. приговорила к разным срокам заключения в концентрационные лагеря или к ссылке².

Еще один социальный фантом под чекистским названием «Контрреволюционная офицерская монархическая организация» якобы существовал в Воронеже и Орле в 1928–1930 гг. Он был создан для удаления из государственных, кооперативных и общественных организаций по возможности большего количества представителей офицерского корпуса старой российской армии. По Центрально-Черноземной области были арестованы 47 человек. Основным доказательством террористической деятельности послужили слова «руководителя организации» С.С. Беляева, произнесенные во время учебного сбора студентов Воронежского университета. Им демонстрировалась работа огнемета, взрыв артиллерийского снаряда, подрыв железнодорожного рельса. Показ производился в присутствии директора ВГУ и «кого-то из обкома» ВКП(б). Беляев неудачно пошутил: «Вот бы бросить бомбу сейчас, номер был бы!»³. Шутку товарищи из обкома не поняли, и «номер» случился с самим С.С. Беляевым – его расстреляли вместе с 12 товарищами, обвинив не только

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-16.967. Т. 8. Л. 117.

³ ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Т. 8. Л. 57.

в терроризме, но еще и в шпионаже (поскольку он общался с родственниками, которые оказались подданными Германии, о положении в Красной Армии). Еще 33 бывших офицеров приговорили к разным срокам заключения в концлагеря, а одного сослали в Казахстан¹.

В целях осуществления репрессий против сельской интеллигенции и зажиточной части крестьян ОГПУ в 1928–1929 гг. создает фантомную организацию под названием «Трудовой крестьянской партии» (ТКП). Отделения этого фантомного образования, по мнению местных работников ОГПУ, существовали и во многих округах Центрально-Черноземной области. По делу были проведены 779 человек, из которых 541 осужден, по 100 обвиняемым дела выделены в отдельное производство. Причем из этих сотен людей лишь 79 жителям ЦЧО судебные органы приписали участие в ТКП², остальные – преподаватели, крестьяне-опытники, агрономы – пострадали «за компанию», в рамках репрессий, сопутствующих сплошной коллективизации³.

Для изъятия наиболее активной части крестьян, которая еще не объединилась на почве борьбы с властью, но уже проявляла явное недовольство проведением насильственной коллективизации, репрессивными органами в 1929–1932 гг. были созданы такие фантомные общественные организации, как «Зеленая армия», «Крестьянская партия народной свободы» (Бобровский, Лево-Россошанский, Панинский районы, 1932); «Крестьянский союз» (ЦЧО, 1929); «Партия Дубинина» (Бутурлиновский район, 1928–1929).

Например, «Зеленая армия», судя по материалам дела, состояла из более чем 100 раскулаченных крестьян 18 деревень Нижнедевицкого и Горшечненского районов, одни из которых еще жили дома, другие уже скитались в лесах. Крестьяне собирались в июле-августе 1931 г. в лесу и ругали разные мероприятия властей. Судя по материалам следствия, собирались они случайными группами по 30 человек, иногда некоторые приносили с собой оружие (дробовики и обрезы винтовок). В обвинительном заключении написано, что однажды было совершено нападение на коммунистических активистов, причем один активист был убит, но в деле не приводятся ни имена пострадавших, ни материалы расследования, ни имен убийц⁴, что оставляет впечатление легкомысленной выдумки следователей секретно-политического отдела постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО.

Организация «Зеленая армия» якобы готовила и свержение советской власти. Но и эти обвинения выглядят довольно легковесно: «В день восстания

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Т. 1. Лл. 392–393.

² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-10.083. Т. 9. Л. 226.

³ Во всем деле постоянно подчеркиваются индивидуалистические настроения обвиняемых по делу ТКП, противостояние их проводимой коллективизации. См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 10.405-П. Лл. 155–156.

⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 57.

захватим пишущую машинку и напечатаем афиши, будем звонить в колокола, вот так мы и свергнем Советы»¹. Были предусмотрены и дальнейшие действия: «Поднимем флаги, по ним Красная армия бить не будет, а рабочие нас поддержат». В качестве факта, свидетельствующего о подготовке восстания, фигурируют сборы денег – по 3 рубля с человека для покупки ситца для флагов и фонарей – на всякий случай восставать решили ночью, и флаги желательно было осветить². Правда, деньги сдали лишь несколько человек, и не приводится никаких данных об их расходовании.

Ликвидация «Зеленой армии» была столь же знаменательна, как и ее деятельность. Работники ОГПУ и отряд милиции окружили группу собравшихся в лесу крестьян, последовала «перестрелка при задержании [продолжалась] 10 минут, один из организаторов [«Зеленой армии»] был ранен». Пострадали и представители властей: «Головной убор уполномоченного З.Н. Герасимова был прострелен»³ [26, л. 166]. Это дало основание ходатайствовать о награждении Герасимова орденом Красного Знамени [26, л. 179].

Даже коллегия ОГПУ не смогла проигнорировать шаткость обвинения, приговорив на своем заседании 26 января 1932 г. пятерых «руководителей» «Зеленой армии» к расстрелу. Поэтому расстрел тут же был заменен 10 годами заключения в концлагере. Разные сроки заключения получил еще 81 человек, шестерых крестьян выслали в Северный край, а восьмерых просто отпустили [25, том 7, л. 85]. При повторном рассмотрении дела в 1960-е гг. все осужденные были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Материалы следствия позволяют говорить об этой группе крестьян как о зародыше организации без оформившейся структуры, определившегося лидера, программы и без целенаправленной деятельности, т.е. прото-организации. Многочисленные подробности существования «Зеленой армии», приведенные в деле, оставляют впечатление надуманности, причем придумали их уже по ходу ведения следствия для «дотягивания» дела до более или менее приемлемого вида с целью скорейшей сдачи в суд. Возможно, окажись среди этих недовольных крестьянских групп лидер, похожий на Т.Р. Говорова, то здесь и могла бы сформироваться организация типа «Правой оппортунизмы», но этого на момент ареста крестьян не произошло, и организация «Зеленая армия» так и осталась фантомом.

Выводы. Таким образом, исследование истории общественно-политических организаций Центрально-Черноземной области показывает, что на рубеже 1920–1930-х гг. власти, помимо того, что ликвидировали остатки оппозиционных режиму политических партий, пресекали деятельность появившихся общественных объединений политического характера, но еще и осуществляли политику репрессий в упреждающем режиме – против прото-организаций, и с

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 29.

² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 35.

³ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.487. Л. 166.

большим запасом – против граждан, потенциально способных на объединение в оппозиционные общественно-политические организации. Такие особенности репрессий 1920–1930-х гг. и породили феномен фантомных организаций.

В условиях планового характера репрессий оформление придуманных сотрудниками правоохранительных органов общественных организаций-фантомов способствовало привлечению к следственным, а значит, и судебным делам одновременно большего числа граждан, чем это позволяла делать практика индивидуальных репрессий, что содействовало выполнению плановых показателей.

Помимо этого коллективные преступления по закону наказывались более строго, чем индивидуальные. Поэтому создание фантомных организаций обеспечивало репрессивным органам раскрытие более тяжких преступлений, чем этого возможно было добиться при индивидуальных обвинениях, в итоге это благотворно сказывалось на их отчетных показателях.

Особенностью деятельности региональных репрессивных органов в 1920–1930-е гг. было их участие в создании фантомных общественных организаций, задуманных в центральном аппарате ОГПУ–НКВД и одновременно реализуемых на территории различных регионов страны. Подобная централизация решала сразу несколько задач, а масштабность химерических дел придавала им большую правдоподобность, чем локальным задумкам. В этих условиях не всегда опытные и способные местные следователи в коллективной работе под руководством центра получали необходимую практику фальсификации уголовных дел, столь востребованную в 1930-е гг., а центральное руководство правоохранительных органов приобретало дополнительный канал контроля над деятельностью региональных подразделений, что было крайне важно в условиях постоянных перемен в проводимой политике репрессий.

© Саран А.Ю., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П.; № 10.405-П.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. 487.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-10.083. Т. 9.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Тт. 1, 8.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-16.967. Т. 8.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] Успенский В. Общество друзей советской кинематографии. М., 1926.

[2] Ивановский Е. Что такое РОКК. М., 1928.

- [3] *Стасова Е.Д.* Пять лет МОПР и современные его задачи. М., 1928.
- [4] *Сталь Л.* Итоги и перспективы работы ОДН. М., 1931.
- [5] *Мюнценберг В.* 10 лет Межрабпома. М., 1931.
- [6] *Бернар Л.* 10 летМОПРа. М., 1932.
- [7] *Олещук Ф.Н.* X лет Союза воинствующих безбожников. СССР. М., 1936.
- [8] *Каттель Б.* 15 лет МОПРСССР. М., 1937.
- [9] 100 лет Красного Креста в нашей стране. М., 1967.
- [10] Научно-технические общества СССР. Исторический очерк. М., 1968.
- [11] *Мищенко М.А.* Партия и массовые организации трудящихся. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- [12] *Алексеев Г.М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР 1917–1982 гг. М., 1983.
- [13] *Иванова Г.М.* Профсоюзы: независимость или огосударствление // Формирование административно-командной системы. 20–30-е годы. М., 1992. С. 95–115.
- [14] *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995.
- [15] *Елисеев А.Л.* Антирелигиозное движение в СССР в 20–30-е годы // Научные труды Орловского государственного технического университета. Т. 9. Исследования в области гуманитарных наук. Орел, 1996. Т. 9. С. 37–42.
- [16] *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.
- [17] *Меркулов П.А.* Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России. (Вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: издательство ОФ РАНХиГС, 2014.
- [18] *Измолик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995.
- [19] *Саран А.Ю.* Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. Москва – Орел: изд. ОГАУ, 2003.

**PHANTOM PUBLIC ORGANIZATIONS
AS A TOOL OF REPRESSION
IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION
IN THE 1920–1930S**

Aleksandr Yu. Saran¹

Orel branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
5a Boulevard Pobedy, Orel, Russia 302028

The author considers that the emergence of the phenomenon of phantom organizations in the Central Chernozem region was connected with the aggravation of the conflict between the government and the society in the period of the 1920–1930s in the USSR, when the political power eliminated the active and passive resistance of the public. Simultaneously, in order

¹ E-mail address: asaran1958@yandex.ru (A. Yu. Saran).

to make repression legal, the law enforcement authorities falsified the presence of non-governmental organizations, relating some of their suspects to them. The judicial or extra-judicial authorities with the same powers on the basis of such fraud passed sentences in which pseudo-participation in phantom organizations was seen as a real fault and the basis for conviction. Thus, phantom organizations became a fact of real life.

The author has found out that the phantom-governmental organizations were established by the Central Office of the NKVD and simultaneously functioned in the territory of several regions of the country. Such centralization simultaneously solved several problems – the scale of the chimeric affairs gave them more credence than local ideas; inexperienced local investigators got the necessary practice of fabrication of criminal cases in collective work under the direction of the centre; the central governance of the law enforcement authorities got additional tool of control over the activities of regional offices.

Key words: Central Chernozem region, public organizations, repressions, OGPU, NKVD

REFERENCES

- [1] Uspenskii V. *Obshchestvo družei sovetskoï kinematografii*. Moscow, 1926 (in Russian).
- [2] Ivanovskii E. *Chto takoe ROKK*. Moscow, 1928 (in Russian).
- [3] Stasova ED. *Pyat' let MOPR i sovremennye ego zadachi*. Moscow, 1928 (in Russian).
- [4] Stal' L. *Itogi i perspektivy raboty ODN*. Moscow, 1931 (in Russian).
- [5] Myuntsenberg V. *10 let Mezhrabpoma*. Moscow, 1931 (in Russian).
- [6] Bernar L. *10 let MOPRa*. Moscow, 1932 (in Russian).
- [7] Oleshchuk FN. *X let Soyuza voïnstvuyushchikh bezbozhnikov. SSSR*. Moscow, 1936 (in Russian).
- [8] Kattel' B. *15 let MOPR SSSR*. Moscow, 1937 (in Russian).
- [9] *100 let Krasnogo Kresta v nashei strane*. Moscow, 1967 (in Russian).
- [10] *Nauchno-tekhnicheskie obshchestva SSSR. Istoricheskii ocherk*. Moscow, 1968 (in Russian).
- [11] Mishenov MA. *Partiya i massovye organizatsii trudyashchikhsya* [PhD thesis]. Leningrad, 1981 (in Russian).
- [12] Alekseev GM. *Dvizhenie izobretatelei i ratsionalizatorov v SSSR 1917–1982 gg.* Moscow, 1983 (in Russian).
- [13] Ivanova GM. Profsoyuzy: nezavisimost' ili ogosudarstvlenie. *Formirovanie administrativno-komandnoi sistemy. 20–30-e gody*. Moscow, 1992:95–115 (in Russian).
- [14] Gimpel'son EG. *Formirovanie sovetskoï politicheskoi sistemy*. Moscow, 1995 (in Russian).
- [15] Eliseev AL. Antireligioznoe dvizhenie v SSSR v 20–30-e gody. *Nauchnye trudy Orlovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Orel, 1996; 9:37–42 (in Russian).
- [16] Il'ina IN. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody*. Moscow, 2001 (in Russian).
- [17] Merkulov PA. *Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii. (Vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.)*. Orel: izdatel'stvo OF RANKhiGS; 2014 (in Russian).
- [18] Izmozik BC. *Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvenny I politicheskii kontrol' za naseleniem Sovetskoï Rossii v 1918–1928 gg.* St. Petersburg, 1995 (in Russian).
- [19] Saran AYu. *Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928–1934 gg.* Moscow – Orel: izd. OGAU, 2003 (in Russian).